

может быть произведен через анализ структуры различных типов пространств дискурсов, производящих разным способом истины и различным способом представляющих в себе истину «как таковую». Подобный анализ возможен в силу того, что структуры бытия и структуры дискурса, имманентного этому бытию, взаимопригнаны и представляют собой одну общность – локальность или Территорию (понятие Территория мы здесь заимствуем из лексики Гваттари)¹. Все многообразие социальной практики с ее множественными представлениями об истине может быть, таким образом, рассмотрено через такие локальности-Территории и способы их соединения. В результате анализ локальных пространств бытия одновременно является прояснением той структуры бытия, которая приводит к возникновению на поверхности бытия того или иного способа представления об истине как способа отношения «высказывания» и «действительности», или, если быть более точным, – к прояснению определенного способа существования зазора бытия как места, где это отношение возникает в качестве рефлекслируемого.

¹ См.: Гваттари Ф. Язык, сознание и общество // Логос. — 1991. — Вып. 1. — С. 152—160.

Ал-др Г.Кислов
ДЕТСКАЯ БОЛЕЗНЬ ЦЕЛЬНОГО ЗНАНИЯ

Новейшей философией приложено немало усилий для преодоления психологизма в теории познания. Меж тем то очевидное обстоятельство, что познание имеет свой субъект, а он – что ж поделать – весьма психологичен, делает неустранимой психологическую составляющую в гносеологической проблематике. Правда борьбы с психологизмом в том, что познание есть нечто слишком особое в жизни человека в сравнении с прочими разнообразными его духовными и душевными проявлениями. Познание имеет дело с истиной, хотя бы со стремлением к ней. А истина непроеизводна от ищущего ее. Она ему внеположена, трансцендентна. Истина сверхпсихологична, что и дистанцирует гносеологию от психологии.

Но гносеология не может совершенно устранить тему ищущего истину, движущегося к ней. При всей сверхпсихологичности истина может овладеть, а то и объяснить душу (психологическое). Этих объяснений и жаждет познающий – Эрос, без которого нет познания и изучающей его гносеологии. Однако душа способна и к безбрежной уклончивости от истины. И как бы мстя неверной истине душе, гносеолог оставляет от души одну частичку – само стремление к истине. Гнев его на душу настолько велик, что он противопоставляет эту частичку всей душе и изгоняет всякий намек на психологию в гносеологии. В итоге последняя предстает в виде весьма искусственной конструкции, призванной обеспечить человеку победный марш к истине.

Вариантами этой победно сконструированной гносеологии особенно изобилует XX век – от Э.Гуссерля через венцев к постпозитивистам. Все варианты весьма эвристичны, логически непротиворечивы, концептуально самодостаточны. Гносеология одержала многообразную победу над психологией. Причем на своей – гносеологической – территории: победу внутри конструкций. Чего не

© А.Г.Кислов, 1998

скажешь о победе истины над душой: ни одна из гносеологических конструкций не стала средством надежного победного продвижения души к истине. Гносеология не обеспечила имманентность истины душе.

Есть давно существующий тип знания, по-своему разрешающий проблему трансцендентного и имманентного вообще, истины и души человеческой, в частности. Речь идет о богословии авраамических религий. Попробуем вступить с ним в «диалог культур».

Мир сей есть мир тварный и уже поэтому несовершенный. Тем более, что мир этот падший, богооставленный. Тварь отпала от Творца, и, как следствие, тварь отпала от твари. Этот мир становится миром распада, хаоса. В нем все разделяется, в том числе истина и душа, душа и душа, знание и знание (ср. с пролиферацией П.Фейерабенда), наука и наука, психология и гносеология. Но распадается и сам распад. Он не тотальный, а пульсирующий, из хаоса рождается порядок (вполне по И.Пригожину), а точнее, порядки, как бы в себе несущие свое основание, свой центр, свою цель. Но и эти монады, самодостаточные субстанции не вечны в мире сем, как не вечны и производящие их теории.

Однако мир сотворен из любви, из милости. Потому распаду противостоит не только сам распад, но и милость Божия. Ею же дано и откровение, истина. Но в мире сем она предстает человеку как одно из бесконечных профилирующих знаний. Найти же истинный критерий истины, то есть проверить богооткровенное богооставленным невозможно. Логика видит здесь лишь круг в доказательстве и размыкает его в дурную бесконечность, имманентную самой себе, обессмысливающую всякую мысль о чем-то трансцендентном самой себе. Душа и сама истина становятся лишь моментами этой бесконечности, постичь которые удобнее отдельно друг от друга. Гносеология удобнее без психологии. А на фоне их фатальной разделенности и сотворяется пульсация слияний души с истиной. Но слияния столь мгновенны, невыразимы, невяжны, неубедительны...

Есть много параллелей теологии творения в психологии детства и взросления. Начало человека — психологически начало целого мира. Дитя — не аналитик. Но и не «синтетик». Дитя даже не целостно познает мир и даже не целостно к нему относится. Дитя-в-мире. Дитя смотрит-из-него. Оно еще не дистанцировалось от мира. Оно и есть этот мир. А мир в нем и есть дитя. Его смотрение есть смотрение-мира-на-себя. Потому так всеильны детские впечатления. Величайшее чувство правды, им свойственное, — до-верие — проистекает из слитности с миром: мир себе не лжет, точнее, это как бы сам мир говорит себе: «Я таков», «еси»¹.

Каждый шаг взросления есть шаг дистанцирования от этой первоначальной слитности, есть распад ее, дифференциация, усложнение отношений и связей со становящимся все более дискретным миром. Мирочентризму на смену идут эго- и другие центризмы, усложняются внешний и внутренний миры, значимых центров может становиться все больше, а полицентризм может взорваться отрицанием каких-либо ценностей вообще — а(анти)центризмом. Но распадается и усложняется не только мир, не только совокупность отношений с ним, но и сам этот распад, порождая остротки цельности — тихие берега моря страстей. Увы, вновь и вновь размываемые...

¹ См.: Флоренский П. Детям моим; Воспоминания прошлых дней; Генеалогические исследования; Из Соловецких писем; Завещание. — М.: Моск. рабочий, 1992. — С. 98—99.

Душа же продолжает алкать цельности, полноценной, всеединой, былой. Душа болит тоскою по ней, болит от недосыгаемости ее. И боль эта детская: внутреннее дитя болит во взрослом. В утробе все мы мудрецы – тема, которую мы найдем и в Ведах, и у Платона, и в Талмуде, и в Агни-Йоге. Рождение выбивает почву из-под ног, а дальше – жизнь в поисках и потерях фундамента.

Вся история гносеологии выстраивается в линию относительно чаемого фундаментализма. Сначала это монофундаментализм – рационалистический или эмпирический (сенсуалистический). Неполнота обоих побуждает к их объединению по принципу дополнительности – к бифундаментализму, который проложил путь полифундаментализму. Чувственные данные и рациональные априори, откровения и озарения, интуиции и прафеномены – все стало мозаичным фундаментом знания. А знание стало знанием на песке, пролиферирующем в бесконечность, неотличимым от незнания. И, наконец, эпистемологический анархизм разродился антифундаментализмом. Знание повисло в воздухе, опираясь лишь на себя в этом распадающемся мире, где все летит из-под ног, где остается уповать лишь на случайные «порядки из хаоса» или на трансцендентное, в котором и подлинный фундамент, и подлинный центр, и подлинная цель. И вся проблема лишь в том, что их там не искали.

Но трансцендентное заглядывает в этот мир по своей, а не по нашей воле. И нетерпеливая душа опять заболевает тоской по всеединству, страдает от невозможности полноценного сбора в целостность, обольщается удачами, очаровывается ими и вновь разочаровывается, гонит эту боль из гносеологии в «чистую» психологию. Поэтому дитя опять на время объединяет взрослых, особенно своими болезнями, которые лишь целым и исцеляются. Временное же целое не есть целое. А о вечном и разговор вечный.

И.Н.Богданова В ПОИСКАХ АДЕКВАТНОЙ ФОРМЫ ЗНАНИЯ

Утверждение, согласно которому сознание существует в форме знания (К.Маркс), означает, что всякая форма сознания имеет определенное познавательное, то есть говорящее нам об объекте, содержание. Принимая во внимание данный факт, человек стремится сегодня «выбраться» из весьма затруднительного положения, в которое он попал несколько столетий назад, когда, уверившись в полном познании самого себя, а также в том, что уже выработаны критерии рациональной деятельности, преувеличил возможности науки. Причин тому было множество, но и последствия не заставили себя ждать. Предельно возвышенное научное познание отрешилось распространить присущие ему формы и стандарты на все, в том числе и самые потаенные сферы бытия и сознания. В глазах философов человеческое познание предстало как торжественное шествие к абсолютной истине, шествие, в ходе которого осуществляется прирост все новых и новых истин, дополняющих друг друга.

Однако со временем становилось все более очевидно: то, что работало в науке, далеко не всегда шло на пользу иным культурным образованиям и способностям человека. Уповав на жестко рациональные процедуры, познание много по-